

Интервью с Юлией Михайловной БАСКАКОВОЙ

«РАБОТА «ФАБРИЧНОГО» ИССЛЕДОВАТЕЛЯ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ МЕНЕЕ СЛОЖНОЙ И УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ, ЧЕМ РАБОТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО»

Баскакова Ю. М. — окончила факультет социальных и гуманитарных наук Саратовского Государственного университета (2004 г.), кандидат политических наук (2006 г.), руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ, старший научный сотрудник Института социологии РАН, доцент Финансового университета при правительстве РФ. Основные области исследований: социально-политические процессы; методология количественных исследований. Интервью состоялось: сентябрь-декабрь 2014 г.

Я знаком с Юлией Михайловной Баскаковой менее трех лет, но, думаю, не ошибусь, говоря о том, что уже в ближайшие года она может стать одним из лидеров среди аналитиков политических и социальных процессов, опирающихся в своих выводах на данные о состоянии общественного мнения. До конца лета 2014 года это мое предположение базировалось на чтении ряда ее публикаций и знакомстве с двумя ее выступлениями на конференциях «Продолжая Грушина», проводимых ВЦИОМ. В середине сентября указанного года Юля приняла мое предложение рассказать о себе, о своем вхождении в социологию и о своей текущей работе. Прошло несколько месяцев, и вот наша беседа закончена. Информация, полученная мною, подтвердила то мое почти интуитивное допущение.

Юля родилась накануне перестройки. Она училась в начальной школе, когда её страна стала называться Россией, и закончила школу за несколько месяцев до ухода первого президента России Бориса Ельцина со своего поста. Сложно объяснить, почему девушка из небольшого провинциального Балаково, окончившая с медалью школу в 1999 году, решила стать политологом. Сама она, вспоминая тот период, сказала, что ее представление о политологии на момент поступления в университет было довольно общим. И заметила: «профессия историка или философа воспринималась исключительно как профессия учителя. Политология звучала интереснее».

Скорее всего так и было, тогда практически никто не знал, что такое политология, но, полагаю, что все происходившее в стране, не проходило стороной и городок атомщиков Балаково и могло исподволь подталкивать человека к такой интеллектуальной «экзотике».

С тех пор прошло всего полтора десятилетия. Юля получила политологическое образование в Саратовском университете, ее дипломное исследование стало основой книги, а позже — кандидатской диссертации. К моменту защиты диссертации она год проучилась в Дипломатической Академии МИД РФ, и после ее завершения предпочла дипломатической работе исследовательскую, и вот она уже шесть лет является сотрудником аналитического отдела социальных исследований во ВЦИОМ. И как следует из сказанного ею, работа «фабричного» исследователя для нее может быть увлекательнее работы академической направленности. Это очень нечастое, но ценное качество для полстера, успешно справляющегося с теоретическими разработками.

Объясняя Юле цели моего историко-социологического проекта, я писал ей о моем стремлении отыскать, найти, описать пути (модели) входа различных групп социологов в социологию. На мой взгляд, это важно само по-себе, но еще важнее — для понимания того, какой наша наука будет через десятилетия. Кем она будет делаться на всем этапе первой половины наступившего столетия? Сохранится ли связь (и какой она будет) между всеми поколениями советских / российских социологов или наследие первых будет лишь прошлым? В 2008 году отмечалось 50-летие современной российской социологии, значит — в 2058 году будет отмечаться столетие. И Юля вместе с ее ровесниками сможет участвовать в том форуме как человек, заставший в живых Б. А. Грушина, Ю. А. Леваду,

В. А. Ядова и других первопроходцев изучения массового сознания.

Мне кажется, что после беседы с Юлией Баскаковой я несколько лучше стал представлять, как в социологию, в познание общественного мнения приходило и приходит поколение, формировавшееся в постзастойный период, и полнее представлять картину ближайшего будущего российской социологии.

Ю. М. Баскакова: «Работа «фабричного» исследователя может быть не менее сложной и увлекательной, чем работа исследователя академического»

Юля, информация в Интернете сообщает, что Вы окончили Саратовский университет, Вы и родились в Саратове или в том регионе? В Вашей фамилии слышны тюркские мотивы, представители тюркских народов испокон веков жили в тех местах... и вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

В Саратове я оказалась случайно и жила там недолго — только в период учёбы в университете. Мои родители родом из Нижегородской области, они — первое поколение нашей семьи, получившее высшее образование. Бабушки и дедушки родом из нижегородских деревень.

Родители закончили Горьковский институт инженеров водного транспорта и их отправили работать по распределению на Балаковский судоремонтный завод. Балаково был быстро строящимся промышленным городом, где молодым людям было проще получить квартиру, самореализоваться. В Балакове я закончила школу, а потом поступила в Саратовский университет.

Да, помню время, когда по радио часто говорили о Балаково... Юля, мы пропустили очень важное (часто) время — Ваши школьные годы. Как шли дела в школе? Какие предметы Вам нравились? О каком продолжении учебы думали в старших классах?

Мне нравилось учиться и учёба давалась мне легко. Рано научилась читать, в школе перечитала всё, что было тогда доступно в окрестных библиотеках. Школьные предметы давались без труда, увлекательным казалось практически всё — скажем, прорешать задачник по физике или алгебре или прочитать учебник химии было ничуть не менее интересно, чем книжки по истории.

Мне крайне повезло с учителями — с 8 класса я поступила в первую городскую гимназию (там были вступительные экзамены и довольно большой конкурс). Большинство учителей были буквально фанатами своих предметов, вкладывали в нас невероятное количество сил и времени, проводили бесчисленные дополнительные занятия (которые не всегда оплачивались). Скажем, чего стоили ежесубботные занятия по программе заочной физико-технической школы — до сих пор помню (и разделяю) восклицание математички: «корень N-ной степени — это же как музыка звучит!». Все мои одноклассники поступили в вузы, многие — в столичные.

Выбрать направление для поступления в вуз «по интересам» мне было сложно: не было направлений, которые воспринимались как «точно не моё». Проориентации у нас не было никакой и представления о том, как выглядят различные специальности — тоже. Гуманитарные науки, как тогда казалось, давали возможность получить более интересную и живую специальность с точки зрения свободы и возможностей развития. В итоге поступила практически случайно — у меня были грамоты с областных олимпиад по истории и обществозна-

нию — эти экзамены сдавались при поступлении на «политологию», а школьная медаль давала право вместо сдачи экзаменов проходить собеседование.. в общем, так было проще.

Юля, безусловно, в жизни каждого фактор случайности крайне важен, мы это знаем из литературы, мы это видим в своей жизни. И все же, может быть мы сегодня попытаемся понять, почему девушка из промышленного городка Балаково, население которого в конце прошлого века составляло 200 тыс. человек, имея медаль за успехи в школе, поступала в Саратовский университет, а не решила поехать, скажем в Москву, Питер, Горький? И почему не более традиционные гуманитарные направления: философия, история, филология, журналистика, а — вдруг — политология? Вы что-либо читали об этом разделе науки?

Наверное, если смотреть назад с текущих позиций, можно рассуждать о направлениях и возможностях выбора. В тот момент всё выглядело несколько иначе — вспомним, что это был конец 90-х, когда интернета как информационного ресурса не было, а экономические условия были несколько сложнее, чем сейчас.

Моё представление о политологии на момент поступления — 1999 год — было довольно общим — как и у многих сегодняшних студентов (я преподаю и в какой-то степени могу об этом судить). Образовательные программы тогда только формировались (а сейчас непрерывно меняются) и какой-либо осознанный выбор специальности, как мне представляется, возможен только тогда, когда есть представление о конкретном желаемом виде занятий. Небольшой промышленный провинциальный город атомщиков не давал здесь каких-либо ориентиров: профессия историка или философа воспринималась исключительно как профессия учителя. Политология звучала интереснее.

Возможности уехать в столицу ограничивались крайне скудными финансами: семья инженеров в 90-е была, мягко скажем, небогатой (подвиг Ломоносова не каждому по плечу). Саратовский университет был не только ближе, но и знакомее — о нём много рассказывали учителя, мы ездили туда на конференции и олимпиады. Лучший вуз области с дореволюционной историей, традициями и замечательной библиотекой — у меня пока не было повода разочароваться в сделанном выборе.

Юля, я вообще считаю, что жизнь должна быть «нормальной», подвиг не должен быть обыденностью... и вот, Вы — студентка. О библиотеке Вы сказали, старые университетские библиотеки — это чудо. Какие предметы сразу Вам приглянулись? После какого курса начиналась специализация?

Политология тогда была совсем новой специальностью — кафедра политических наук была создана на основе общеуниверситетской кафедры истории КПСС, а курсы составлялись на основе переводных публикаций. На этом этапе помимо преподавателей научного коммунизма к тематике подключился ряд естественников по базовому образованию. К началу 90-х было издано и переиздано много классических книг, а подборка отобранных для переводов изданий была сделана со вкусом (это особенно хорошо видно, оглядываясь назад). Факультет социальных и гуманитарных наук, к которому кафедра относилась, тоже был новым, а программы — свежесформированными, как и многие предметы гумани-

тарного цикла (та же культурология или регионалистика). Может быть, поэтому, специализация началась практически сразу — большинство преподававшихся дисциплин имели приставку «политическая»: политическая история, политическая география, политическая психология и т.п. Это уже тогда казалось немного странным и искусственным, но, наверное, было оправданным в период самоопределения российской политологии как самостоятельной области знания.

Подход к обучению был достаточно фундаментальным, здесь сказывалась университетская традиция: нас активно побуждали читать первоисточники, следить за научными журналами, участвовать в студенческих конференциях. Вместе с тем, не было ясного понимания, к какой профессиональной деятельности нас готовят. Нам читался довольно широкий спектр юридических дисциплин, модным предметом была «прикладная политология», где разбирались правила ведения избирательных кампаний, был довольно широкий набор общегуманитарных предметов. Считалось, что политолог сможет работать чиновником или политтехнологом, но рынок труда для такого рода специалистов в провинции не сильно просматривался, поэтому многие из моих сокурсников рассматривали обучение просто как получение высшего образования.

Основным пробелом в нашей учебной программе являлось практически полное отсутствие математики, чего мне очень не хватало — я не верю в чисто гуманитарное знание: математика задаёт структурность и системность. Преподаваемый подход к политологии как к гуманитарной науке мне крайне не импонировал — соответствующий аппарат не воспринимался как позитивный и устойчивый.

Пытаясь расширить кругозор, в процессе учёбы получила дополнительное образование в рамках российско-американского бизнес-колледжа при университете. Это был вполне полноценный двухлетний очный вечерний курс бизнес-администрирования, одна из первых попыток организовать российский аналог МБА. В наши головы пытались вложить курсы западных теорий менеджмента и маркетинга, мировой экономики и государственных инвестиций — все специальные дисциплины, которые могла предложить кафедра национальной экономики нашего факультета.

Университет давал редкую по тем временам возможность выхода в интернет. Один из известных тогда сетевых ресурсов привел к виртуальному знакомству с рядом интересных людей, в частности, с профессором Пенсильваннского университета С. В. Утехиным. Его энциклопедические знания и фантастический энтузиазм задавали для меня критерии того, чем должен являться учёный. Очень полезным был и другой сетевой ресурс — Auditorium (также давно закрытый).

Практически единственным направлением, где просматривалась возможность для содержательных количественных измерений и исследований, была сравнительная политология. Поэтому когда нужно было выбирать специализацию, я выбрала направление сравнительных политических исследований. Его вела Т. Н. Митрохина, которая позже стала руководителем моей дипломной работы и кандидатской диссертации. Химик по базовому образованию, в своих лекциях она с дотошностью естественника большое внимание уделяла как методологическим вопросам, так и работе с эмпирическим материалом, вовлекала студентов в научную работу.

Дипломную работу я написала про индексный метод, кандидатскую — про количественное моделирование в политологии. Уклон в количественные измерения естественным образом выводил в сторону электоральных исследований. В частности, я рассматривала влияние различных показателей развития регионов, включая разнообразие доступных СМИ, на результаты голосования. Эта работа выиграла президентский грант на подготовку кандидатских диссертаций, благодаря чему тогда же мне удалось опубликовать свою первую монографию в соавторстве с научным руководителем.

Вы в целом обозначили, как осваивали науку о политике... но для политологов характерно освоение еще двух видов деятельности: анализ, часто работа в тех или иных политических, общественных организациях и изучение, описание, исследование текущих политических процессов, в частности, это приходится делать тем, кто специализируется в прогнозировании. Вам прививали навыки работы в политических структурах, обучали разбираться в реальной политике?

Все это было на теоретическом уровне в формате околонучной работы, курсы только формировались, а ассортимент политических структур на региональном уровне был не разнообразным. Практику я проходила в областном комитете информации и печати, а на последнем курсе вуза работала пресс-секретарем в областном минэкономике.

Губернатор решил, что всем структурам областного правительства надо больше взаимодействовать со СМИ, для чего в каждом ведомстве была введена неофициальная должность пресс-секретаря. Неофициальная — потому что в штат оформляли «подснежниками», на разные свободные должности. Я, например, одно время числилась в бухгалтерии. Основной задачей было помочь журналистам наладить контакт с чиновниками, получать информацию о работе министерства, предоставлять для печати данные об экономике региона. Мои коллеги относились к журналистам недоверчиво и даже самую безобидную информацию предоставляли неохотно, опасаясь, что «всё перевернут», а те, в свою очередь, не слишком доверяли официальным данным. У прессы были свои трудности — Саратов был далеко не самым уютным городом для независимой журналистики. За два года работы мне удалось сделать некоторые шаги для преодоления взаимного отчуждения: организовать регулярный выпуск материалов для прессы, сделать более открытым общение с региональными изданиями и журналистами.

Какие возможности для работы над кандидатской диссертацией открывал Вам президентский грант, в каком году это произошло? Ваша первая монография была до кандидатского исследования или по его итогам? Чему она была посвящена?

Моя диссертация выросла из дипломной работы (2004 год) — практически с момента поступления в Университет я планировала профессиональную деятельность в академической сфере — мне было интересно заниматься исследованиями и преподавать. Аспирантский грант был предназначен для подготовки диссертации и должен был как-то поддерживать научную работу — стипендия была символической. Грант тоже оказался небольшим: исходная сумма была по инстанциям урезана почти вдвое, и её сложно было истратить в связи со специфическими требованиями к бухгалтерской отчетности. Научный руководитель дала мне хороший совет: воспользоваться грантом для печати нашей с ней совместной

монографии, что мы в итоге и сделали. А на оставшуюся сумму я приобрела свой первый компьютер. Помимо чисто материального аспекта, важен был и моральный — и грант, и полученная годом ранее Потанинская стипендия поддерживали веру в возможность самореализации в рамках выбранной специальности.

Кандидатскую, она называлась «Моделирование политической реальности: количественные аспекты», я защитила (2006 год) через полгода после выхода монографии — эта работа была моим первым исследованием, имеющим эмпирическую базу. Научный руководитель ориентировала меня на работу с индексным методом, но я по неискушенности решила замахнуться на большее. Важным уже тогда казалось выбрать направление которое быстро не исчерпывается и его можно не один год последовательно развивать и дорабатывать.

Прикладная (тогда не вполне банальная) идея была в том, чтобы посмотреть, что влияет на выбор избирателей, в частности — выявить связь между результатами выборов в регионах и социально-экономическими и социо-культурными параметрами их развития. Мне удалось собрать данные и сконструировать интересные переменные (помню, что привлекала данные по демографии, экономические индикаторы, показатели человеческого развития и много других вплоть до объемов рекламы в СМИ по регионам). После изысков с разного рода преобразованиями удалось в итоге получить довольно приличную базу данных из различных открытых источников по всем регионам, объединить их и, повертев данные в Statistica, построить модель, связывающую электоральные предпочтения и разные факторы.

Мой основной интерес тогда состоял в изучении и продвижении количественных методов для политического анализа. Более того, была идея, что можно построить работающую многофакторную модель — задача не для аспирантки, а для НИИ. Эмпирические результаты сегодня выглядят менее актуальными. Неожиданным было то, что агитация и пропаганда играли большую роль, чем социально-экономический фактор. Оглядываясь назад на этот текст (он сейчас выложен мной на academia.edu), я вижу в нем немало задора и претензий, порой подменяющих технологизацию, но вдали от исследовательских центров и их традиций трудно было надеяться вырваться на большее.

Название Вашей кандидатской порождает вопрос: В какой мере «моделирование» и «количественные аспекты» тождественны и различны? Мне сложно представить моделирование — даже если вспомнить советскую классику, книгу В.А. Штоффа — без «количественного». Вы опирались в своих построениях лишь на российских аналитиков или у Вас была возможность для ознакомления с американской литературой?

Если речь о Штоффе, то он рассматривает модель как категорию отражения и как раз возражает против сведения понятия «модель» до уровня «математической модели». Модель как упрощенный образ объекта не обязательно должна быть квантифицируемой, если она выполняет свою основную функцию — замещать объект исследования таким образом, чтобы ее изучение давало о нем новую информацию. Меня же интересовала именно возможность численных измерений и вывода количественных закономерностей.

Недостатком просматриваемых в мое время публикаций по политологии я видела их спекулятивность — обилие терминов и рассуждений, слабо соотносимых с фактами по количественным шкалам. Вместо политологии получалась «болтология» (так мою специальность называет бабушка). Сейчас эта проблема выражена меньше (возможно, сказывается западное влияние), хотя и теперь многие любители порезонерствовать о планах и помыслах президента / губернатора / любого чиновника называют себя политологами. В этой среде я пыталась нащупать и защитить в спорах более твердую почву (вроде опоры для рычага по Архимеду): интерес представляли традиции, в рамках которых делались попытки аккуратно считать и предсказывать. Истоки приводили к работам англичан Петти и Мальтуса, логически все это приводило к теме множества альтернатив (моделей) для описания реальности и выбора среди них по неким критериям. Отсюда существовал логический выход на работы по моделированию (как Simulation, так и Modelling) и на системный подход и системный анализ как один из способов построения моделей — его в России активно развивает и продвигает О. Ф. Шабров, который выпускает альманах «Моделирование в социально-политической сфере» и к которому я обращалась за рецензией на автореферат. Впоследствии в этом альманахе вышла моя статья (тоже выложена на academia.edu), в которой я попыталась свести некоторые метафоры в духе системного подхода. До какой-то степени альтернативой выглядел мультиагентный подход, где уже был ряд любопытных программных разработок.

Отдельное замечание о книге В. А. Штоффа.

Наверное, любопытно было бы послушать Штоффа в те времена, когда официальный взгляд на мир был обязательным. В этом плане работа Штоффа, на мой взгляд, была крайне важна. Потрепанный томик Штоффа стоит у меня на книжной полке и я с ним сверилась — конечно, восемь лет с защиты диссертации — это не так много, но в том темпе, который у меня сегодня сложился, это довольно немало. Доступ к западной литературе в тот период у меня был много более ограничен, чем сейчас, если не говорить о переводных изданиях. Впрочем, он бы мне тогда мало помог — английский в требуемом объеме я освоила позже. А современный уровень математизации американской политологии, конечно, несопоставим с нашей.

Итак, аспирантура успешно завершена защитой кандидатской диссертации и книгой. Какими были дальнейшие планы? Что в действительности получилось?

На момент защиты диссертации я уже год была слушателем Дипломатической Академии МИД РФ. Шанс получить второе образование появился неожиданно — в академию на бюджетной основе по направлениям органов власти принимались государственные служащие, которые успешно сдали экзамены.

Академия стала прекрасной возможностью выучить английский язык — до этого со школы со мной тянулся немецкий. Языки в академии преподавались на высочайшем уровне: здесь блестящие преподаватели и очень продуманная система подготовки. В начале учебы мне попался на глаза текст о том, что для успешного освоения языка на каждый час занятий в классе следует отводить 4 часа самостоятельной работы. Я взяла этот принцип за правило самым буквальным образом и он дал отличный результат.

Дипломатическую карьеру я при этом всерьез не рассматривала, несмотря на наличие возможностей и две пройденные в МИДе практики: с одной стороны, это не вариант для семейной жизни, с другой — жёсткая иерархичность и ориентация на субординацию вплоть до чиновничества, привычные для российской государственной службы, за два года чиновничества в меня так и не въелись.

Таким образом, после окончания академии мне нужно было выбрать дальнейшее направление движения. Академическая сфера оказалась довольно закрытой: при том, что заработки преподавателей довольно низки, для меня остается загадкой, как в России люди устраиваются преподавать. Насколько я могу судить, конкурсы обычно проводятся номинально, «для своих», со стороны люди на кафедры и в исследовательские институты попадают редко. Пришлось искать себе применение в коммерческой сфере, искать направления, которые были бы мне интересны. Сфера исследований оказалась наиболее подходящей — для меня она делала реальной возможность не просто работать, но и получать, и создавать новое знание о мире. Это невероятно ценная возможность, которую я не могла не использовать.

Меня приняли аналитиком в отдел социальных исследований, которым руководила Е. И. Пахомова. С тех пор у меня менялись только должности, тогда как направление деятельности сохраняется. Параллельно преподаю и стараюсь поддерживать научную активность, участвуя в работе отдела микрополитических исследований ИС РАН под руководством С. В. Патрушева.

Не могу пройти мимо такой экзотики, как Дипломатическая Академия МИД РФ, такого сюжета у меня не встречалось; были выпускники МГИМО, были — мечтавшие, но не поступившие. Какие предметы, помимо круглосуточного английского, вы изучали? Современную историю, PR, политический анализ? Все это Вам и сейчас явно не лишнее...

Академия нацелена на профессиональную переподготовку государственных служащих перед их поступлением на работу в структуры, занимающиеся международной деятельностью. Туда принимали только людей с вузовскими дипломами, мы даже назывались не студентами, а слушателями. Слушателям предлагался широкий набор курсов, связанных с дипломатической службой (от этикета и протокола до переговоров) и международными отношениями (от теории и истории до международной безопасности), а также набор правовых дисциплин.

Диплом я и там умудрилась написать про моделирование — «сравнительный анализ моделей национальной безопасности» — тема крайне необычная для данного заведения. Выделила группы показателей, подобрала международные статданные, построила корреляции — общая идея была в том, что на безопасность следует смотреть комплексно с позиций устойчивого развития, а для наращивания внешнего влияния продуктивнее развивать экономику и soft power, чем военную мощь. Тогда это не сочли антипатриотичной крамолой.

К сожалению, я не знаком с Е.И. Пахомовой... еще все впереди... чем занимается Ваш отдел? Чем занимаетесь собственно Вы?

Отдел социальных исследований вскоре был объединен с отделом политики в общее управление социально-политических исследований. Я начинала как аналитик, потом стала самостоятельно вести проекты, все более сложные.

Исследовательская деятельность прекрасна разнообразием тематик даже в рамках одного направления, не говоря уже о разнообразии задач и методов. Проектный принцип работы подразумевает полную ответственность руководителя проекта за весь исследовательский цикл от постановки задач, разработки программы и инструментария до подготовки итоговых аналитических материалов и презентации их Заказчикам. Такой подход часто создаёт ёмкое пространство для творчества и экспериментов: ты проходишь с Заказчиком весь путь от понимания проблемы до рекомендаций по её решению. Иногда возникает иллюзия, что некоторые вещи ты видишь лучше Заказчика (порой пытающегося использовать опросы для решения узкокорпоративных задач), и здесь важно следовать профессиональному этическому кодексу.

В этом смысле работа «фабричного» исследователя при случае бывает сложнее и азартнее работы исследователя академического (тем более, псевдоакадемического). Перед нами обычно не стоит вопрос «возможно ли это сделать?», обычно вопрос формулируется по-другому: «как это сделать?». Поиск ответа на сложные вопросы в рамках ограниченных сроков и ресурсов — это, помимо прочего, драйв. Я часто задаю студентам вопрос о том, чья ответственность выше — сотрудника социологической службы или исследователя вуза, который ведёт исследования по своей теме. «Фабричный» социолог обязан выдать продукт (как врач) и не может выдать продукт низкого качества (почти как врач) — его результаты, с одной стороны, нужны Заказчику для решения конкретных проблем «здесь и сейчас», а с другой — они часто публикуются и становятся широко известными и доступными для профессиональной критики. За некачественную работу исследователь моментально расплачивается деловой репутацией, которая является его основным капиталом и самооценкой (которая важна ничуть не менее).

Спектр проектов, которыми я успела позаниматься, достаточно широк: когда-то пробовала их считать, но давно перестала, когда общее число далеко перевалило за сотню. Широта тематики обусловлена тем, что наше управление часто проводит исследования по сопровождению деятельности органов власти, у которых различные направления деятельности и задачи. Скажем, если у маркетолога основная цель — понять, как сделать продукт более продаваемым, то в нашей сфере круг задач крайне широк.

Наверное, ближе всего к маркетингу электоральные исследования: изучить предвыборную ситуацию, дать рекомендации по формированию имиджа, измерить всевозможные рейтинги. В этой сфере наиболее интересны задачи прогнозирования — как на основе ответов респондентов об их предпочтениях составить прогноз результатов. В странах с устоявшейся партийной и избирательной системой, где правила не меняются десятилетиями или веками, технология прогнозирования отработана. У нас же крайне высок уровень неопределённости, что связано с постоянным изменением правил игры: меняются партии, законы, уровень конкуренции, интерес населения к выборам регионального и местного уровня крайне низок, а мы в этих условиях делаем прогнозы. Зато задача крайне интересная.

Доводилось проводить всероссийские экзит-поллы — тоже очень увлекательный вид исследования, где российская специфика добавляет свою сложность: почти десяток часовых поясов, огромные расстояния между населенными пунктами, разница в погодных условиях, местная специфика регионов — всё это необходимо учесть. Если Morgan Poll в Австралии может себе провести sms-опрос по части своей панели, а в Британии можно провести опрос на паре сотен тщательно отобранных по истории голосования участков, у нас задача куда более экстремальна.

Много проектов было связано с обеспечением деятельности органов государственной власти — им, как правило, нужны не просто красивые слайды с цифрами по данным опросов, а комплексные аналитические продукты, содержащие серьёзные выводы и рекомендации. Для МИД мы проводили исследования среди соотечественников за рубежом — это был мой первый самостоятельный проект. Для Минздрава мы делали сопровождение программы развития донорства крови, для МВД — комплексное исследование безопасности личности от противоправных посягательств, для Общественной палаты — строили социальную стратификацию современного российского общества. Проводили исследования для Федеральной таможенной службы, федеральной антимонопольной службы, Госнаркоконтроля, Министерства транспорта, Министерства труда и многих других структур, часто работаем с региональными администрациями.

Помимо работы на заказчиков, ВЦИОМ регулярно проводит инициативные проекты — порой при поддержке грантов, порой — на свои средства. На прошлой Грушинской конференции был презентован проект, в котором мне повезло принять участие — «Электоральная панель» — исследование, для России уникальное. В течение нескольких месяцев мы опрашивали одних и тех же людей о происходящих политических событиях, тестировали их на «политическую грамотность», выясняли их идеологические предпочтения. По его итогам мы опубликовали коллективную монографию, в которой мой раздел посвящен изучению форм социального недовольства и возможностям его перехода в политический протест.

Вы пишете: «Иногда возникает иллюзия, что некоторые вещи ты видишь лучше Заказчика». Почему Вы считаете это иллюзией? На мой взгляд, исследователь, консультант и должен знать предмет лучше Заказчика, иначе, в чем же функции исследования и консультирования?

Я вижу это немного иначе: исследователь исходно не погружен в проблемную сферу Заказчика, он вне его задач. Слишком самоуверенный взгляд со стороны часто оказывается крайне упрощенным и наивным хотя бы потому, что круг задач исследования порой не редуцируется к жёстко очерченному предмету. Априорное представление о процессах нередко является столь же далеким от истины, как идиллии Руссо о благородных и беззаботных дикарях. Думающий и опытный исследователь умеет разговорить заказчика и выявить проблемные моменты и вчерне представляет, где и как искать ответы.

Если Заказчик действительно понимает, что он хочет, то функции исследователя — помочь ему перевести его бизнес-вопросы на язык анкет и сценариев, подсказать оптимальные методы сбора данных, а потом содержательно и максимально корректно эти данные с ним проинтерпретировать.

В сложных ситуациях, когда у Заказчика ещё нет полноценного понимания проблемы, толковый исследователь на основе своего опыта может помочь ему поставить правильные вопросы и сформировать представление о потенциально возможных результатах — фактически исследователь становится здесь консультантом. Но применять полученные данные потом будет именно Заказчик и здесь может возникнуть множество разноплановых нюансов, которые исследователю не всегда известны и, как правило, не подконтрольны.

Несколько последних лет я погружен в методологию и методы прогнозирования президентских выборов в США. По наблюдениям за гонкой 2008 года была написана книга «Явление Барака Обамы», есть небольшая онлайн-книга о схеме и опыте прогнозирования Алана Лихтмана, по итогам выборов 2012 года написана, но еще не выпущена книга. И никогда я не видел в американских моделях параметра, допуска на фактор «административного ресурса», тогда как он постоянно присутствует в разговорах с российскими полстерами, в статьях политологов. Что Вы скажете о роли этого фактора в российских общенациональных и региональных выборах?

Наверное, ситуация во многом диктуется наследием времен КПСС, законодательством и правоприменительной практикой. В России пока не было аналога Уотергейта, зато был «человек, похожий на генерального прокурора». Очевидно, что уровень конкуренции на политическом поле несопоставим с американским, а установка власти на консервацию такого порядка прослеживается и невооружённым глазом. Все это приводит к тому, что даже в отсутствие влияния подобного ресурса административный фактор автоматически предполагается существующим и существенным.

С другой стороны, тема интересная. В статьях о прогнозировании я также не видела «допуска на административный ресурс», хотя в разговорах она, конечно, звучит. Я думаю, что это тот случай, когда вопрос важнее, чем ответ — если он возникает, значит, с доверием к выборам не всё в порядке.

Бывает так, что результаты выборов довольно далеки от прогноза в силу разных причин. Наши американские коллеги находятся в более комфортной ситуации: много проще оттачивать математические алгоритмы в условиях, когда избирательная система не меняется десятилетиями. То ли дело у нас: власть всех уровней постоянно реформируется, меняется длительность легислатуры, избирательные системы, правила проведения выборов. Порой выборы отменяются и снова вводятся, как это было с губернаторами. Это исключает использование, например, электоральной истории, затрудняет настройку прогнозных моделей. В итоге, когда прогноз не сходится с результатом выборов, это не всегда следствие применения административного ресурса. Скажем, когда уровень интереса к выборам невысок, явка составляет менее 20%, а избиратель принимает решение непосредственно в день выборов в зависимости от настроения — пойти или не пойти, проголосовать «как большинство» или «против власти», с какой точностью можно прогнозировать результаты партий? Здесь есть много методических аспектов: построение выборки, избегание социально-одобряемых ответов.

Особенно трудно прогнозировать результаты выборов регионального и местного уровня. Часто наши модели показывают завышенную явку и завышенный результат инкумбента или лидирующей партии. Причина — в том, что респонденты склонны декларировать намерение участвовать в выборах, даже

если на самом деле они не собираются туда идти. Бывает и наоборот, когда в ходе опроса намерение участвовать в выборах выражают около половины избирателей, а по результатам выборов явка зашкаливает. Иногда к выборам по советской традиции в буфеты завозят дешевые пирожки и пирожные — можно ли считать это административным ресурсом? Порой неудачные результаты кампании или несбывшиеся прогнозы заманчиво списать на неконтролируемый фактор. Здесь легко возникают разговоры об административном ресурсе и у кого-то появляется искушение использовать опрос как критерий истины, что, на мой взгляд, непродуктивно. Избиратель может изменить своё мнение в любой момент и апеллировать следует не к опросам, а к механизмам контроля над прохождением выборов.

Спасибо, Юля, за наводку на книгу по исследованию на «электоральной панели». Я получил pdf-макет книги, действительно ВЦИОМ удалось осуществить уникальный проект; похоже, вы раньше других российских полстеров вошли в зону современной методологии «больших данных» (big data). Конечно, я начал ознакомление с этой работой с чтения Вашего раздела. Очень логично и содержательно. У Вас есть задумки продолжить такой полстерский и одновременно теоретический анализ общественного недовольства? Может быть, не только в связи с выборами, но в рамках более широкого социолого-политологического рассмотрения. Не думаете ли Вы о работе над докторской диссертацией, хотя я по себе и по рассказам Ваших коллег, прошедших этим путем, знаю, как сложно это сделать «фабричным» исследователям.

Я смотрю на это оптимистичнее. Даже здесь «фабричный» исследователь — социолог располагает рядом преимуществ: в частности, он постоянно находится в потоке эмпирических данных, которые он ежедневно обобщает и осмысливает, а искать объяснения данным — сложнее и интереснее, чем подбирать данные под готовые объяснения. Исследователь-прикладник привык жёстко планировать и структурировать свою работу, легко справляется с большими массивами данных и разбирается в методиках их получения. Если ему интересна околонуучная деятельность — а мне она интересна — то подготовить диссертацию ему не сложнее, чем вузовскому преподавателю или сотруднику академического института. Сложнее всего находить время, чтобы следить за литературой по теме и что-то более-менее регулярно писать — здесь помогают терпенье и труд. Но если поставить себе задачу, то всё как будто вполне реально.

Конечно, фабричная технологичность имеет свои оборотные стороны — будучи нацеленным на прикладной результат, сложно не выпускать из виду более общий процесс. Я стараюсь их сбалансировать, участвуя в исследовательском проекте сектора микрополитических исследований ИС РАН «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия». Может быть, и докторская в итоге напишется.

Среди прочего, во ВЦИОМе мне импонирует то большое внимание, которое здесь традиционно (наверное, еще со времен его основателей) уделяется созданию благоприятной среды для научной активности. Научные советы, методические семинары, ежегодные конференции, научный журнал и книжный клуб, подписка на электронную библиотеку — не всякая академическая организация

может похвастать чем-то подобным. А есть еще и инициативные исследования, например, как «электоральная панель», по результатам которой мы подготовили названную (к слову, не первую) книгу.

Во ВЦИОМе работает программа зарубежных стажировок – сотрудники, которые в достаточной степени владеют иностранным языком и стремятся повысить квалификацию, могут получить грант на обучение. Благодаря этой программе, я дважды получила возможность пройти стажировку в рамках двухнедельной *Methods Summer Programme* Лондонской школы экономики и политических наук, на курсах «*Statistical Methods for Social Research using SPSS*» и «*Qualitative Research Methods*».

Сам факт наличия подобных возможностей имеет не только утилитарное значение: он создает внутреннюю атмосферу, даёт понимание, что для организации важна не только способность сотрудника выполнять определенный функционал, но и стремление поддерживать свой научный уровень, а значит – и научный уровень ВЦИОМ. Это заряжает энергией и вселяет уверенность в том, что прикладные исследования вполне совместимы с теоретической рефлексией.

Поскольку я – математик, то долго исходил из того, что общественное мнение – это то, что мы померили. Выборка делалась тщательно, вопросы анкет тестировались.. что еще? Как-то в Публичной библиотеке я встретился с И.С. Коном, и он в процессе разговора сказал: «Что вы там Борисы меряете... Общественного мнения нет». Он имел в виду Бориса Максимовича Фирсова и меня, хотя – думаю – отчасти и Бориса Андреевича Грушина. Лишь позже я начал понимать природу общественного мнения, и тогда возникли вопросы относительно того, что же мы измеряли. Как Вы думаете, есть ли сейчас в России общественное мнение? Является ли то, что измеряет ВЦИОМ, «Левада-Центр», ФОМ, другие полстеры общественным мнением или это какая-то иная фракция массового сознания?

У меня нет удовлетворительного ответа на этот философский вопрос и тем более «на все времена»: тема соотношения реального и идеального тянется не одно тысячелетие и вряд ли когда-нибудь завершится. Применительно к социологии ее интересно повернул Т.Шанин: число понятий принципиально не должно быть конечным. Постановка П.Бурдые о том, что «общественное мнение не существует» также по своему логична, но упрощает, как любая провокация.

Мне больше импонирует известная метафора Платона в известном диалоге, где он рассуждает о тенях, которые свет отбрасывает на стене. Каждая тень – проекция, множество теней даёт обобщённое представление о некоем образе, но насколько этот образ отвечает исходному – вопрос. Насколько абстрактная сущность вообще может рассматриваться как существующая объективно, а не только в ее частных и заведомо несовершенных проекциях? Платон не знал начертательной геометрии, а качество проекций очень зависит от методов их получения и здесь важна размерность – во сколько пунктов опроса можно вместить человеческую личность? Опять же, как отделить влияние наблюдателя? Я к тому, что само по себе понятие общественного мнения, стационарного и принципиально отделимого от опроса, может не иметь смысла. Утрируем: в государстве, где отсутствует система массовых коммуникаций, где не проводятся опросы, может ли существовать общественное мнение?

Если двигаться далее, сама постановка о мнении статична, а не динамична — с этой стороны разговор о «сознании» выглядит более продуктивным. Если развернуть в сторону математики, проекции начертательной геометрии опережают деталь, которую по ним будут делать. Мнения или «фракции сознания», которые мы получаем, помогают создать тот самый абстрактный образ.

Можно развернуть вопрос и иначе: пусть данные собраны и могли бы в перспективе дать некий образ этого общественного мнения (или если угодно — его модель), но сама эта модель не построена или недоступна по каким-то причинам. И что тогда можно сказать про общественное мнение, хотя опросы проведены?

Довольно регулярно в социальных сетях и СМИ попадают суждения о том, что опросы населения по широкому кругу опросов бессмысленны. Мне такая постановка представляется довольно циничной, поскольку так снимается тема общественной оценки многих действий: мол, масса некомпетентна, зачем принимать её в расчёт? Так гораздо проще, чем информировать, разъяснять, образовывать, вовлекать. Но насколько объективным будет любое информирование и не будут ли люди просто повторять то, что от них требуется? Круг замыкается. Проводить исследования грамотно означает — взвешенно относиться ко всему перечисленному и понимать, что и оно полностью все не исчерпывает.